

П.П. ЧЕРКАСОВ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ АЛЕКСАНДРА II В ДОНЕСЕНИЯХ И ОТЧЕТАХ ПОСОЛЬСТВА ФРАНЦИИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Реформы Александра II, на глазах современников менявшие облик России, с большим интересом были восприняты в Европе, где с давних – еще с допетровских времен – “Московию”, а затем и петербургскую империю, несмотря на общность разделяемых на западе и востоке Старого Света христианских ценностей, не склонны были относить к разряду собственно европейских государств. В общественном сознании европейской элиты, с точки зрения, как бы мы сейчас сказали, культурно-цивилизационной, Россия находилась где-то между Персией и Турцией, с одной стороны, и просвещенной Европой – с другой. С большей или меньшей откровенностью Россию в Европе называли “полуварварским”, “деспотическим” государством восточного типа. Так было вплоть до середины XIX в., до конца правления Николая I. Неприглядный образ николаевской России, созданный в известной книге французского литератора и путешественника маркиза де Кюстина¹ окончательно закрепил в европейском общественном сознании негативное отношение к “империи фасадов”.

Между тем в феврале 1855 г. в России на престол вззошел молодой император Александр II, который после унижительного для России поражения в Крымской войне взял курс на реформы, имевшие целью структурную модернизацию страны².

Иностранные наблюдатели, и прежде всего дипломаты, аккредитованные в Санкт-Петербурге, пристально следили за первыми шагами царя-реформатора, стараясь понять, в каких направлениях и сколь решительно Александр II намерен действовать. Будут ли успешны задуманные им реформы? Выдержит ли огромная, со времен Петра Великого не знавшая серьезных преобразований империя, новое испытание? Устоит ли она? Сумеет ли царь удержать Россию от революционного взрыва как возможной реакции на проводимую им радикальную перестройку? Каковы могут быть международно-политические последствия реформ – отвлекут ли они внимание царского правительства от внешних дел или Россия останется активным участником “европейского концерта”? В более широком плане речь шла и о том, удастся ли (и в какой степени) Александру II изменить неприглядный в глазах европейцев образ России, как “им-

Черкасов Петр Петрович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

Автор благодарит Дом наук о человеке (Париж) и Посольство Франции в Москве за предоставленную возможность работать по этой теме в Архиве министерства иностранных дел Франции.

¹ La Russie en 1839, par le marquis de Custine. Paris, 1843. Полное русское издание: *Кюстин А. де*. Россия в 1839 году, в 2-х т. Пер. с фр., под ред. В. Мильчиной; коммент. В. Мильчиной и А. Осповата. М., 1996.

² Биография Александра II подробно исследована в исторической литературе. См., например: *Татищев С.С.* Император Александр II, его жизнь и царствование, 2-е изд., т. 1–2. СПб., 1911; *Яковлев А.И.* Александр II и его эпоха. М., 1992; *Ляшенко Л.* Александр II, или История трех одиночеств, 2-е изд. доп. М., 2003; *Carrère d'Encausse H.* Alexandre II. Le printemps de la Russie. Paris, 2008.

перии кнута” и “жандарма Европы”? Все эти и другие вопросы, как свидетельствует изучение дипломатических архивов в Париже, интересовали французских дипломатов в столице Российской империи.

Но самый первый вопрос, которым задавались “петербургские французы”, заключался в объяснении причин, по которым сын и преемник Николая I встал на путь реформ. Наиболее четкий ответ на него в 1868 г. сформулировал маркиз Жозеф де Габриак, первый секретарь посольства Франции в России³. “На следующий день после падения Севастополя, т.е. уничтожения всех военных сил России, – сообщал Габриак в Париж, – нужно было признать, что необходимы глубокие реформы в государстве, которое не сумело уберечь себя от такой ужасной катастрофы ни своими гигантскими просторами, ни пассивным послушанием населения, ни стойкостью солдата, ни численностью и дисциплиной армии. Первой необходимостью стало изучение этой катастрофы, но изучение самого общего характера, посвященное в большей степени вскрытию ее причин, нежели прямых последствий... и обращенное исключительно в будущее. Император Александр это понял... и положил начало реформаторскому движению, которое продолжается до сего времени, хотя в последние годы оно и отклонилось от первоначального замысла. Его призыв к стране был услышан. Он нашел отклик с разных сторон и даже превзошел ожидания и пожелания власти”⁴.

То, что корни Великих реформ следовало искать в унижительном поражении России в Крымской войне, показавшей всю глубину отсталости огромной империи от ведущих государств Европы, считали и другие политические наблюдатели, работавшие в посольстве Франции в Петербурге после 1856 г. и вплоть до конца 1860-х годов.

В настоящей статье на основе изучения хранящихся в Архиве министерства иностранных дел Франции донесений, отчетов и памятных записок из французского посольства в Санкт-Петербурге прослеживается непосредственная реакция дипломатов на подготовку и проведение политических реформ 1860-х годов в России. Речь идет о реформе местного самоуправления (земская реформа), судебной и военной реформе, а также о нововведениях в сфере образования и печати.

По понятным причинам наиболее пристальное внимание французские дипломаты уделяли подготовке и реализации самой важной из реформ александровского царствования – крестьянской. Отмена крепостного права в 1861 г., по мнению подавляющего большинства политических наблюдателей той эпохи, ликвидировала одно из важнейших культурно-цивилизационных отличий России от остальной Европы. Именно крестьянская реформа, по убеждению французских дипломатов, дала старт политическим преобразованиям Александра II.

Поскольку реакция посольства Франции в Петербурге на подготовку и осуществление крестьянской реформы уже подробно исследована автором в одной из предыдущих публикаций⁵, все внимание в данной работе сосредоточено на оценках политических преобразований, последовавших за отменой крепостного права.

В период подготовки и начала реформ 1860-х годов Францию в Петербурге представлял Наполеон-Огюст Ланн, герцог де Монтебелло, сын знаменитого маршала Ланна, ветерана наполеоновских войн. До своего назначения в Россию Монтебелло уже занимал посольские должности в Дании, Пруссии, Швейцарии и в Неаполитанском королевстве, был министром по делам флота и колоний, депутатом Законодательного собрания⁶. Его миссия в России продолжалась шесть с половиной лет – с 1858 до 1864 г. Таким образом, Монтебелло суждено было стать непосредственным свидетелем Великих реформ александровского царствования. В его депешах из столицы Российской

³ О нем см. Archives des Affaires Etrangères (далее – ААЕ). Personnel, 1-re Série, № 1719.

⁴ Ibid., Correspondance politique. Russie, v. 241, fol. 36 verso – 37 verso.

⁵ Черкасов П. П. Отмена крепостного права в России в донесениях французских дипломатов из Санкт-Петербурга (1856–1863). По фондам Архива министерства иностранных дел Франции. – Россия и Франция. XVIII – XX века, вып. 8. М., 2008, с. 166–194.

⁶ Его послужной список см. ААЕ, Personnel, 1-re Série, № 2962.

империи подробно освещался процесс подготовки и проведения крестьянской реформы, которую французский посол считал лишь началом задуманных Александром II преобразований.

“Освобождение крепостных было необходимой отправной точкой масштабных преобразований в устройстве империи, – писал Монтебелло 10 марта 1863 г. в донесении министру иностранных дел Э. Друин де Люису⁷. – Император Александр не отступил перед решением этой задачи. Были приняты основополагающие принципы [этого] нового правового устройства... Реализация этих принципов осуществляется безостановочно. Уже подготовлен проект, относящийся к провинциальным учреждениям; одновременно ведется работа по организации нового муниципального устройства (т.е. земства и городского самоуправления. – *П. Ч.*) на всей территории империи. Готовится крупная реформа финансовой системы. Водочный откуп начиная с 1 января с. г. был заменен акцизным сбором, и уже полученные результаты дают основание предвидеть возрастание доходов [казны] вместо привычного дефицита, ожидавшегося, по меньшей мере, в этом году. Таков, господин министр, самый общий итог реформ, предпринятых императором Александром. Они обещают его огромной империи результаты, превосходящие [по значению] последствия всех завоеваний, и будут способствовать возрастанию ее мощи и процветания”⁸.

Спустя некоторое время Монтебелло подтверждает свое ранее высказанное мнение о “непреклонном желании императора Александра следовать по пути либеральных реформ”⁹. Теперь, после благополучно осуществленной крестьянской реформы, Александр II, как полагал посол Франции, безотлагательно приступит к политическим преобразованиям.

Французский дипломат не ошибся в своем прогнозе. Первым шагом на пути политических реформ станет введение в стране начиная с 1864 г. системы местного самоуправления (земства)¹⁰.

ЗЕМСКАЯ РЕФОРМА

Подготовка земской реформы началась еще в марте 1859 г., когда высочайшим повелением при министерстве внутренних дел была создана межведомственная, как бы мы сейчас сказали, комиссия для разработки закона “О хозяйственно-распорядитель-

⁷ *Эдуард Друин де Люис* (1805–1881 гг.) – выходец из аристократической семьи, юрист, затем кадровый дипломат, был послом в Англии, директором одного из департаментов министерства иностранных дел Франции. Сенатор и член Института. Сменил Э. Тувенеля в должности министра иностранных дел в октябре 1862 г. До этого уже трижды занимал пост главы французской дипломатии – с декабря 1848 до начала июня 1849 г., с 9 по 24 января 1851 г. и с июля 1852 до мая 1855 г. Его четвертое “пришествие” на Кэ д’Орсэ продолжалось до сентября 1866 г. О нем см. ААЕ, Personnel, 1-re Série, № 1365.

⁸ ААЕ, Correspondance politique. Russie, v. 230, fol. 180 verso – 182 recto.

⁹ *Ibid.*, v. 231, fol. 6 verso – 7.

¹⁰ О земской реформе 1864 г. существует обширная литература. См.: *Безобразов В.П.* Земские учреждения и самоуправление. М., 1874; *Материалы по земскому общественному устройству* (Положение о земских учреждениях), т. 1–2. СПб., 1885–1886; *Веселовский.* История земства за 40 лет, т. 1–4. СПб., 1909–1911; *Гармиза В.В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957; *его же.* Земская реформа и земство в исторической литературе. – История СССР, 1960, №5; *Герасименко Г.А.* Земское самоуправление в России. М., 1990; *его же.* История земского самоуправления. Саратов, 2003; *Петров Ф.А.* Органы самоуправления в системе самодержавной России: земство в 1864–1879 гг. – Великие реформы в России. 1856–1879. М., 1992; Из истории земства в России. Каталог книжной выставки. М., 1993; *Лантева Л.Е.* Земские учреждения в России. М., 1993; *Реформы Александра II.* М., 1998; *Еремян В.В., Федоров М.В.* История местного самоуправления в России (XII – начало XX в.). М., 1999; *Богатырева О.Н.* Губернская администрация и земское самоуправление. Вторая половина XIX – начало XX века. – Вопросы истории, 2004, № 8; *Philippot R.* Les Zemstvos. Société civile et État bureaucratique dans la Russie tsariste. Paris, 1991.

ном управлении в уезде". Изначально предполагалось предоставить уездным властям большего единства, самостоятельности и доверия по хозяйственному управлению, а также определить степень участия каждого сословия в этом хозяйственном управлении. Одновременно подчеркивалось, что задумываемые правительством органы местного управления не должны и не могут выходить в своей деятельности за рамки хозяйственных вопросов местного характера. Несколько позднее император дал поручение комиссии при министерстве внутренних дел разработать на этих же началах проект образования губернского правления.

Руководство комиссией, составленной из представителей министерств юстиции, финансов, военного, государственных имуществ, а также главного управления путей сообщения, было возложено на исполняющего делами товарища министра внутренних дел Николая Алексеевича Милютину. Дипломаты из посольства Франции в Петербурге давно присматривались к Н.А. Милютину, считая его одной из самых перспективных фигур в окружении Александра II. Еще в 1858 г. тогдашний французский временный поверенный в Петербурге Шарль Бодэн следующим образом характеризовал Милютину, в то время еще директора Экономического департамента министерства внутренних дел: "Это человек замечательных способностей, тонкого и широкого ума, выдающийся администратор. Общественное мнение прочит его в министры внутренних дел. Это человек прогресса и будущего"¹¹.

Комиссия Милютина работала в условиях строжайшей секретности, сумев избежать утечки информации. Видимо, по этой причине в переписке французского посольства нет никаких сведений о ее работе. В апреле 1860 г. комиссия представила императору проект "Временных правил" местного управления, основанных на принципах выборности и бессловности, что предполагало привлечение к участию в местном самоуправлении большинства слоев населения. Последнее обстоятельство определило резко отрицательное отношение к Милютину консерваторов из состава Редакционных комиссий по подготовке крестьянской реформы, которым давно был не по душе "радикализм" товарища министра внутренних дел. Воспользовавшись смертью 5 февраля 1860 г. руководителя Редакционных комиссий либерально настроенного генерала Я.И. Ростовцева, консерваторы стали энергично добиваться отставки его единомышленника и ближайшего соратника Милютина. Одновременно они требовали доработки "Временных правил" о местном управлении, настаивая на предоставлении преимуществ дворянам-землевладельцам за счет сокращения представительства крестьян и отстранения от участия в выборах рабочих и ремесленников.

Эти пожелания были учтены Александром II. В апреле 1861 г., через пять недель после издания Манифеста 19 февраля, он отправил в отставку Н.А. Милютину, а заодно и его покровителя, главу министерства внутренних дел графа С.С. Ланского. Этот вынужденный жест в сторону консерваторов император смягчил назначением Милютина в Сенат. А через два года он сделал его своим статс-секретарем для особых поручений и направил в Польшу для проведения там крестьянской реформы.

Так или иначе, но окончательная доработка закона о местном управлении в России велась уже без участия Милютина. Комиссию возглавил новый министр внутренних дел П.А. Валуев. Он вынужден был пойти на уступки требованиям консерваторов, но сумел отстоять основные принципы, заложенные во "Временных правилах" 1860 г. – выборность и бессловность.

15 марта 1862 г. Валуев представил подготовленный вариант "Положения" о земской реформе в Особое совещание под председательством великого князя Константина Николаевича, брата императора. Затем, после высочайшего одобрения, доработанное "Положение" в мае 1863 г. поступило на рассмотрение Государственного совета. На этой стадии французским наблюдателям удалось получить некоторую, правда, скудную, информацию о прохождении законопроекта.

Из депеши герцога Монтебелло от 18 июля 1863 г.:

¹¹ ААЕ, Mémoires et Documents. Russie, v. 45, fol. 115 bis.

“Предводители дворянства и губернаторы Петербурга и Москвы приглашены для участия в работе Комитета Государственного совета империи, возглавляемого князем Гагариным, для того чтобы выработать систему провинциальных учреждений, основы регламента которой уже одобрены императором.

Полномочия, предоставленные этим регламентом провинциальным [уездным и губернским] комитетам [управам], имеют много общего с теми, которыми наделены наши Генеральные советы¹². Но что особо примечательно и что означает введение в России нового порядка вещей, так это их состав.

Право направлять в комитеты [управы] представителей не будет отныне исключительной привилегией дворянства. Их состав будет формироваться путем бессловесных выборов среди горожан-собственников без каких-либо ограничений, а в сельской местности – среди волостных старшин (*les syndics de Baillages*) и деревенских старост.

Избирательная система будет очень широкой, в определенной степени пропорциональной и основанной на имущественном цензе.

Новый закон, призывающий к участию в политической жизни все население Империи, серьезнейшим образом изменит состав провинциальных собраний в западной части империи, где они уже были созданы исключительно для поляков и католиков.

В чем смысл создания провинциальных советов? Думаю, можно с полной уверенностью утверждать, что, по замыслу Императора Александра, они должны стать фундаментом, на который будет опираться система более широкого участия [населения] страны в решении собственных проблем.

Император намерен одновременно запустить [механизм] свобод, которые он желает даровать своим подданным в России и Польше.

Об этом мне неоднократно, в том числе и совсем недавно, говорил князь Горчаков. Вообще же, в публике широко распространено мнение, что представительный элемент в скором времени будет введен и в Государственном совете, полномочия которого будут расширены¹³.

Следует признать, что это стало бы важным шагом Императора Александра на пути прогресса, по которому он следовал до сих пор и с которого не намерен сворачивать. Либеральные учреждения, отличающиеся, но не столь сильно, в Российской империи и в Царстве Польском служили бы поддержкой друг для друга и являлись бы наилучшей и наиболее прочной гарантией [продолжения взятого курса].

Когда Император осуществит эту последнюю реформу, он тем самым мирными средствами проведет в Российской империи великие юридические, административные, социальные и политические преобразования, которые восславят его царствование в последующих поколениях”¹⁴.

Между тем обсуждение “Положения” в Государственном совете затянулось на несколько месяцев, что вызвало недовольство императора. В ноябре 1863 г. последовал высочайший приказ – в любом случае завершить доработку законопроекта до наступления нового, 1864 г. Воля императора была исполнена. 1 января 1864 г. Александр II утвердил представленное ему “Положение о губернских и уездных земских учреждениях”.

Действие “Положения” распространялось на 33 (менее половины от общего их числа) великорусские губернии, где преобладало русское дворянство. Остальные великорусские губернии, где не было или почти не было дворянского землевладения, а

¹² *Генеральный совет* – коллегиальный совещательный орган, издавна существующий в каждом из департаментов Франции. Он формируется на выборной основе и занимается решением местных административно-хозяйственных вопросов.

¹³ По-видимому, посол Франции имел в виду предложение министра внутренних дел П.А. Валуева, сделанное им еще весной 1862 г., о преобразовании Государственного совета в представительное дворянское учреждение. Александр II долго размышлял над этим предложением, но в конечном счете отклонил его.

¹⁴ ААЕ, *Correspondance politique. Russie*, v. 231, fol. 192–195.

также национальные окраины первоначально исключались из сферы действия земского самоуправления.

Согласно принятому закону, в 33 губерниях создавались земские учреждения, состоявшие из распорядительных (уездных и губернских земских собраний) и исполнительных (уездных и губернских земских управ) органов, избираемых на трехлетний срок. Члены земских собраний получили название “гласных”, т.е. имеющих право голоса. Количество гласных на уездном уровне колебалось от 10 до 96, а на губернском – от 15 до 100 человек. Уездные и губернские управы состояли из 4–6 членов.

Как определял новый закон, земства как общественные органы призваны были ведать хозяйственными делами уездов и губерний на тех же основаниях, что и хозяйства частные, управляемые частными лицами. В рамках предоставленных им полномочий земства располагали полной самостоятельностью, но им запрещалось вмешиваться в компетенцию правительственных, сословных и других учреждений. Земских должностных лиц и служащих могли привлечь к судебной ответственности, если они выходили за рамки своей компетенции.

Деятельность земских учреждений ограничивалась исключительно хозяйственными вопросами местного значения: устройством и содержанием местных путей сообщения, земской почты, земских школ, больниц, богаделен и приютов, контролем за местной торговлей и промышленностью, ветеринарной службой, страхованием, местным продовольственным делом, постройкой церквей, содержанием местных тюрем и домов для умалишенных. Общий надзор за земскими учреждениями был возложен на территориальные (губернаторы) и центральные (министерство внутренних дел) инстанции.

Наблюдатели из посольства Франции в Петербурге проявили дальновидность, еще в начале 1864 г. усмотрев грядущие конфликты земских собраний с государственной властью по вопросу сферы компетенции первых. Вот что писал об этом в феврале 1864 г. в министерство иностранных дел Франции граф де Массиньяк, замещавший находившегося в отпуске Монтебелло: “Можно предвидеть, что в некоторых губерниях новые собрания будут стремиться к тому, чтобы выйти за пределы предписываемых им полномочий, однако длительная привычка русского народа к безропотной покорности и послушанию может служить надежной и долгосрочной гарантией того, что правительству не составит большого труда сдерживать эти слабо организованные устремления к независимости”¹⁵.

Несмотря на введенные ограничения на их деятельность, земства с самого начала стали играть важную роль в социально-экономическом развитии русской провинции. В течение всего лишь полутора десятилетий со времени их создания земства открыли на селе 12 тыс. школ, где обучались крестьянские дети. Земства создали не существовавшую прежде в сельской глубинке сеть медицинских учреждений, что заметно снизило показатели смертности среди крестьян. С введением земства в России появилась земская статистика, сыгравшая важную роль в изучении народного хозяйства в провинции.

Реализация земской реформы началась в середине 1865 г., когда были завершены все необходимые подготовительно-организационные работы. К этому времени Монтебелло завершил свою миссию и был отозван в Париж, где стал сенатором. Осенью 1864 г. на его место прибыл барон Шарль де Талейран-Перигор, занимавший до этого посольские должности в Турине, Брюсселе и Берлине. Ранее, в 1850–1851 гг., он уже работал в Петербурге в качестве первого секретаря посольства и имел определенное представление о России эпохи Николая I¹⁶. Теперь ему предстояло понять и оценить характер и масштабы происходивших здесь перемен.

Приезд Талейрана в Петербург совпал с началом осуществления земской и последовавшей за ней судебной реформы. В политических реформах французский дип-

¹⁵ Ibid., v. 233, fol. 30 recto verso.

¹⁶ Его служебное досье см. AAE, Personnel, 1-re Série, № 3849.

ломат увидел логическое продолжение главного, что к тому времени успел сделать Александр II, – отмены крепостного права. Любопытно, что новый посол Франции, по достоинству оценив “Положение” о введении земства, все же усмотрел в принятом законе явное влияние консерваторов, сумевших на последнем этапе его редактирования смягчить излишний либерализм первоначального законопроекта.

Из депеши Талейрана от 5 июня 1865 г.:

“Освобождение крестьян не только разрушило прежние отношения между земельной аристократией и крестьянами, но и глубоко изменило положение этих двух общественных классов по отношению к государству, как по части налогообложения, так и судебной администрации. Согласно весьма распространенному в официальных кругах мнению, было совершенно необходимо защитить крестьянина действенными установлениями от пагубного влияния дворянина, внезапно освобожденного от тягостных забот о нуждах бедняков и от той ответственности, которая на нем лежала по набору рекрутов и по другим обязательствам, предписываемым государством сельскому населению. Со времен Великой Екатерины и до освобождения [крестьян] все местные сборы (пошлины), государственное призрение и почти вся сельская администрация находились в руках дворянских собраний, которые раз в три года собирались для обсуждения всех этих вопросов в административном центре своей провинции.

Сразу же после освобождения [крестьян] эти собрания, в большинстве своем вдохновляемые искренним духом реформаторства, в ряде случаев выразили желание принять в свой состав любого землевладельца, независимо от сословия, к которому он принадлежит, и имущество которого оценивалось бы выше определенного уровня. Сверх того они были готовы принять в свой состав на аналогичных условиях представителей от городов и, наконец, выразили согласие пересмотреть свой устав на основе справедливого представительства земельной собственности, с целью прийти [однажды] к [созданию] центральных и парламентских институтов.

Бюрократическая партия, осознавшая, что все эти разумные либеральные тенденции с их демократическими устремлениями содержат угрозу для аристократии, поспешила отвергнуть подобного рода предложения. Чтобы положить предел подобным тенденциям, эта партия взяла инициативу в свои руки и представила на утверждение Императора Указ о провинциальных учреждениях, который был обнародован 1(13) января 1864 г.

Эти учреждения имеют много общего с существующими во Франции Генеральными советами, и Ваше превосходительство сможет в этом убедиться, прочтя прилагаемый ниже перевод [“Положения”], который я сегодня же пересылаю, не обнаружив в бумагах посольства следов того, что данный документ был после его публикации отослан в Департамент [министерство иностранных дел Франции].

Только что объявленное вступление в силу вышеупомянутого Указа даст мне необходимый материал для того, чтобы в самом недалеком времени представить второй доклад по этому вопросу, который затрагивает самые жизненно важные интересы России”¹⁷.

Обещанный Талейраном второй доклад был составлен им в начале сентября 1865 г. Предполагалось, что он будет посвящен началу деятельности губернских и уездных земских собраний, но в связи с тем, что к этому времени не завершились даже выборы в эти собрания, то и писать, собственно, было пока не о чем. Именно поэтому доклад Талейрана оказался весьма кратким, хотя и содержал отдельные, еще предварительные, но все же интересные наблюдения.

Информируя министра о том, что земские собрания сформированы пока лишь в 10 из 33 великорусских губерний, обозначенных в “Положении”, и что по этой причине рано подводить итоги, Талейран, тем не менее, сообщает о преобладании почти

¹⁷ Ibid., Correspondance politique. Russie, v. 234, fol. 165–167 verso. Французский перевод извлечений из “Положения”, приложенный к депеше, см. Fol. 168–185.

во всех уже избранных губернских и уездных собраниях представителей дворянства. “Этот факт не должен вызывать удивления, – писал он, – если учесть, насколько не подготовлены и неопытны еще, по сравнению с дворянством, все другие классы [русского общества] в области управления. Без всякого сомнения, их уровень со временем поднимется так же, как возрастет и их опытность, но пока именно дворянству, благодаря его просвещенности и образованности, предстоит играть ведущую роль в общественных делах”¹⁸.

Итоговые выборы земских гласных в уездные и губернские собрания полностью подтвердили предварительный вывод барона Талейрана о преобладании дворян в их составе, особенно на губернском уровне. Так, доля гласных от дворянского сословия в уездных земских собраниях первого созыва (1864–1867 гг.) составила 41,64%; от крестьян – 38,45; от купечества – 10,42; от духовенства – 6,5. Зато в губернских земских собраниях доля дворянства составила уже 74,16%, а представительство крестьян оценивалось лишь в 10,55% (купечества – 10,95%, духовенства – 3,8%)¹⁹.

К началу 1867 г. земская реформа распространилась на 28 губерний Российской империи, а к концу года – еще на две губернии.

Несмотря на законодательные ограничения и строгий правительственный контроль за тем, чтобы земства не выходили за пределы сугубо хозяйственной деятельности на местном уровне, в появившемся земском движении, постепенно приобретавшем либерально-оппозиционный характер, обозначилась тенденция к расширению сферы компетенции земских учреждений, к распространению принципов самоуправления на организацию высшей государственной власти. Именно этого с самого начала так и опасались консерваторы, постаравшиеся до предела ограничить полномочия земства, что нашло отражение в “Положении” от 1 января 1864 г.

Указанная тенденция впервые проявилась в начале 1867 г., причем возмутителем спокойствия, подавшим пример остальным, выступило Петербургское земское губернское собрание. Конфликт столичного земства с правительством, начавшийся с вопросов выдачи торговых патентов, а также размеров местных налогов, отданных на усмотрение уездных и губернских собраний (центральные власти сочли земские сборы неоправданно завышенными), вскоре приобрел политическую окраску. На ежегодной сессии Петербургского земского губернского собрания (январь 1867 г.) ряд его наиболее либерально настроенных депутатов (гласных) подняли вопрос о расширении полномочий земства за пределы собственно хозяйственной деятельности и даже о распространении начал самоуправления на центральные органы власти.

Центральная власть не замедлила с ответом. На десятый день работы Петербургского губернского собрания последовал высочайший указ о прекращении его деятельности и роспуске. В указе была четко сформулирована и причина столь жесткого решения: “Петербургское губернское собрание, с самого открытия своих заседаний, действует несогласно с законами, и вместо того, чтобы, подобно земским собраниям других губерний, пользоваться Высочайше дарованными ему правами для действительного попечения о вверенных ему местных земско-хозяйственных интересах, непрерывно обнаруживает стремление, неточным изъяснением дел и неправильным толкованием законов, возбуждать чувства недоверия и неуважения к правительству”²⁰.

Этим правительство не ограничилось. Одновременно была распущена губернская и все уездные земские управы Петербургской губернии, где было приостановлено действие Положения о земских учреждениях. Такая же судьба постигла и городскую думу Санкт-Петербурга. Вслед за этим к земцам была впервые применена карательная мера: председатель Петербургской губернской земской управы Н.Ф. Крузе был выслан в Оренбург.

¹⁸ Ibid., fol. 295 recto verso.

¹⁹ См. *Веселовский Б.Б.* Указ. соч., т. 3, с. 49.

²⁰ Цит. по: *Татищев С. Александр II.* – Русский биографический словарь, т. I. СПб., 1896. Репр. воспр. М., 1992, с. 639–640.

Французский посол, внимательно следивший за ходом земской реформы, считал необходимым информировать Париж о развитии этого конфликта. В одной из депеш он описал открытие 16 января сессии земского собрания Петербургской губернии под председательством гражданского губернатора графа Н.В. Левашова, который призвал гласных действовать в точном соответствии с предписаниями, содержащимися в регламенте земских собраний. Талейран отметил активную роль председательствовавшего на первом заседании графа В.П. Орлова-Давыдова, губернского предводителя дворянства. Характеризуя Орлова-Давыдова, Талейран подчеркнул, что молодые годы графа прошли в Англии и что он охотно афиширует свою симпатию к политическим нравам этой страны, не «упуская случая, чтобы высказать свои парламентские убеждения»²¹. Не упустил он такой возможности и при открытии сессии. Орлов-Давыдов ответил Левашову в том смысле, что земские депутаты – это посредники между властью и населением империи, интересы которого они представляют, и что уже по этой причине они должны иметь более широкие полномочия.

В конфликте, возникшем на сессии Петербургского земского собрания, барон Талейран усмотрел проявление борьбы либералов и консерваторов, великого князя Константина Николаевича и главы министерства внутренних дел П.А. Валуева, с одной стороны, и князя П.П. Гагарина, вице-председателя Государственного совета, – с другой²².

На данный момент, как констатировал Талейран, никто не может указать с полной определенностью ту границу, которую определило для себя императорское правительство в проведении либеральных преобразований. «Мне чрезвычайно трудно, господин маркиз, описать Вам то состояние правительственного разлада, в котором в настоящее время находятся все политические группировки в России. Каждый констатирует болезнь, каждый может указать на нее, но, когда речь заходит о выборе лекарства и способе его применения, начинаются бесконечные дискуссии, возникают колебания и т.д.», – писал Талейран министру иностранных дел маркизу де Мустье²³. Далее он продолжал: «Для России была бы лучше, пусть даже плохая, но последовательная система, чем это постоянное затягивание, которое не приносит никакой пользы. Здесь творится нечто непонятное: заведомо консервативно настроенные чиновники призваны проводить в жизнь ультрадемократические решения, а политические деятели, известные своими демократическими воззрениями, напротив, должны подписывать реакционные распоряжения. Среди этого хаоса идей мало можно встретить государственных мужей, способных противостоять критике с обеих сторон», – с сожалением констатировал Талейран²⁴.

К числу таких людей он относил двух человек – министра внутренних дел Петра Александровича Валуева («одна из самых ярких личностей в Империи», по определению Талейрана) и военного министра, генерала Дмитрия Алексеевича Милютин²⁵ («один из лучших военных администраторов в России»). Если первого французский посол называет безусловным «либералом», то второго определяет «скорее как консерватора». И при том, к удивлению Талейрана, оба они – и «либерал» Валуев, и «консерватор» Милютин – подвергаются одинаково острым нападкам справа. «Валуева атакуют за те его решения, которые ущемили интересы вчерашних господ, а генерала Милютина... – обвиняют во враждебности к аристократической фракции в армии и,

²¹ ААЕ, Correspondance politique. Russie, v. 238, fol. 57.

²² Ibid., fol. 59.

²³ Потомственный дипломат Мари Франсуа Рене Лионель, маркиз де Мустье (1817 – 1869) занимал пост главы министерства иностранных дел Франции с 1 сентября 1866 г. до 17 декабря 1868 г. Он сменил на этом посту Эдуарда Друин де Люнса, своего покровителя в начале дипломатической карьеры.

²⁴ ААЕ, Correspondance politique. Russie, v. 238, fol. 62–63.

²⁵ Старший брат Н.А. Милютина, бывшего товарища министра внутренних дел.

особенно, к императорской гвардии, что проявляется в его намерении внедрить там демократический дух”²⁶.

Талейран не скрывает своего удивления тем, как быстро в русском обществе оформились оппозиционные настроения. “Не могу не обратить Вашего внимания, господин маркиз, на то, какую огромную дистанцию прошли умонастроения в России за столь короткий срок существования [земских] собраний, чтобы они так открыто могли оспаривать решения Императора”, – писал посол министру в середине февраля 1867 г. в связи с роспуском Петербургского губернского земского собрания и столичной думы²⁷.

В одной из последующих депеш Талейран информирует Париж о демарше саратовского и харьковского земских собраний, которые в специальных обращениях к главе министерства внутренних дел П.А. Валуеву выразили свое беспокойство по поводу прекращения деятельности петербургского земства. Саратовцы и харьковчане поставили вопрос о том, сохраняются ли за ними свободы и прерогативы, определенные законом от 1 января 1867 г. Рост оппозиционных настроений среди земских кругов, как сообщал Талейран, ослабляет позиции Валуева, против которого начинает интриговать начальник Третьего отделения и шеф жандармов граф П.А. Шувалов, мечтающий получить портфель министра внутренних дел и одновременно сохранить за собой руководство политической полицией. “Не подлежит сомнению, – писал французский посол, – что Император пошел на принятие суровых мер против земства, в значительной степени уступая давлению графа Шувалова. [...] Об отставке Валуева говорят, как о деле предпрешенном”²⁸.

В той же депеше Талейран сообщает о ставших ему известными разногласиях в Государственном совете по поводу роспуска Петербургского земского собрания. “Князь Горчаков, – писал Талейран, – отказался отдать свой голос в пользу приостановки работы собрания, но никак не мотивировал свое голосование, в то время как военный министр генерал Милютин, проголосовав против этого предложения, заявил, что считает его несвоевременным и опасным для Императора и для династии в целом. Подобного рода предостережения, сделанные человеком такого уровня, как генерал Милютин, не могут не вызывать серьезных размышлений. Впрочем, – резюмировал французский дипломат, – с другой стороны, мне кажется, что Император в глубине души очень озабочен и очень взволнован; при этом он не оказывает полной доверенности ни одному из своих советников”²⁹.

Конфликт петербургского земства с правительством был вскоре урегулирован. Александр II доказал, что не намерен сворачивать с избранного пути. Он ограничился временными, можно сказать, предупредительными мерами. Спустя шесть месяцев после их введения, все санкции в отношении петербургского земства были отменены. 13 июня 1867 г. император подписал закон, расширявший права земских, городских и сословных председателей и возлагавший на них ответственность за соблюдение порядка в заседаниях. Новый закон ограничивал гласность земских совещаний и решений. Это означало, что все постановления собраний, противоречащие закону, не имеют юридической силы. Вместе с тем земская реформа продолжалась. Что же касается слухов об отставке Валуева, о которых сообщал в Париж Талейран, то они подтверждаются только через год, в марте 1868 г. До своей отставки П.А. Валуев успеет принять участие в разработке и запуске судебной реформы, изменившей былые представления о русском правосудии, как о “шемякине суде”.

²⁶ ААЕ, Correspondance politique. Russie, v. 238, fol. 63 verso.

²⁷ Ibid., fol. 134 verso.

²⁸ Ibid., fol. 141–142 verso.

²⁹ Ibid., 143 verso – 144.

С полным на то основанием судебная реформа 1864 г. считается наиболее завершенной и наиболее радикальной из всех преобразований александровского царствования. Впервые в тысячелетней истории России судебная власть была отделена от исполнительной, административной и законодательной. Более того, по мнению большинства исследователей, реформа 1864 г. сделала систему судопроизводства в России едва ли не самой передовой в Европе 60–70-х годов XIX в.³⁰

По каким-то не вполне ясным причинам судебная реформа не привлекла к себе столь же пристального внимания французских дипломатов, как крестьянская или земская. Во всяком случае в переписке посольства Франции в Петербурге со своим министерством иностранных дел информации на эту тему содержится гораздо меньше. Тем не менее французские наблюдатели дали объективную и верную оценку осуществленной императором Александром II революции в области судопроизводства в России.

Как известно, подготовка судебной реформы началась еще в 1861 г. Этим занималась Государственная канцелярия, разработавшая документ под названием “Основные положения преобразования судебной части в России”. После обсуждения в Государственном совете законопроект был разослан для отзывов в судебные учреждения, университеты и даже за границу – авторитетным европейским юристам. Полученные замечания были изучены специальной комиссией, представившей окончательный вариант законопроекта на высочайшее утверждение. 20 ноября 1864 г. Александр подписал закон, который вступил в силу в 1866 г., когда были окончательно сформированы все органы новой судебной власти.

Судебные уставы 1864 г. были основаны на принципах бессословности суда, его независимости от административной власти, несменяемости судей и судебных следователей, состязательности и гласности судебного процесса с участием в нем присяжных заседателей и адвокатов. Главное отличие нового суда от прежнего заключалось в том, что он распространялся на все сословия без исключения. Такого суда не знала прежде ни Московская Русь, ни Российская империя. На вершине судебной системы находился Сенат – единственная в государстве кассационная инстанция, где можно было обжаловать решения нижестоящих судов в случае нарушения ими процедурных правил. Сенат обеспечивал единство судебной практики в масштабах всей империи и следил за соблюдением правил судопроизводства.

Новые судебные уставы основывались преимущественно на принципах европейского права, хотя в них и сохранялись отдельные элементы дореформенного сословного

³⁰ О судебной реформе 1864 г. см.: *Арсеньев К.К.* Заметки о русской адвокатуре. СПб., 1875; *Филиппов М.А.* Судебная реформа в России, т. 1–2. СПб., 1871–1875; *Тимофеев Н.П.* Суд присяжных в России. М., 1881; *Хрулев С.* Суд присяжных. Очерк деятельности судов и судебных порядков. СПб, 1886; *Джанишев Г.А.* Основы судебной реформы. М., 1891; *Бобринцев-Пушкин А.М.* Эмпирические законы деятельности русского суда присяжных. М., 1896; История русской адвокатуры. 1864–1914, т. 1–2, М., 1914–1916; *Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы. Пг., 1914; Судебные уставы 20 ноября 1864 года, за пятьдесят лет, т. 1–2. Пг., 1914; Судебная реформа. Под. ред. Н.В. Давыдова, Н.А. Полянского, т. 1–2. М., 1915; *Миронова И.А.* Законодательные памятники пореформенного периода (1861–1900 гг.). М., 1960; *Виленский Б.В.* Подготовка судебной реформы 20 ноября 1864 года в России. Саратов, 1963; *его же.* Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1969; *Коротких М.Г.* Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1969; *Воробейникова Т.У., Дубровина А.Б.* Преобразование административно-полицейского аппарата, суда и тюремной системы России во второй половине XIX века. Киев, 1973; *Черкасова Н.В.* Формирование и развитие адвокатуры в России. 60–80-е гг. XIX в. М., 1987; *Ларин А.М.* Из истории суда присяжных. М., 1995; *Гессен И.В.* История русской адвокатуры. Т. 1. Адвокатура, общество и государство (1864–1914). М., 1997; Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX в. М., 1997; *Немытина М.В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX в. Саратов, 1999; *Мойсинович А.М.* Судебная реформа 1864 г. в оценках современников и исследователей второй половины XIX – начала XX вв. Ярославль, 2006 (автореф. канд. дисс.).

суда. Но в целом это был очевидный прорыв на пути прогресса в области судопроизводства, что ликвидировало один из цивилизационных барьеров, отделявших Россию от остальной Европы.

Французские дипломаты в Петербурге были в курсе подготовки судебной реформы, но они, видимо, были настроены скорее пессимистично относительно ее успеха. Их смущал низкий уровень правовой культуры в России. “Русское законодательство пребывает в хаосе, – писал по этому поводу секретарь посольства Франции Анри Фурнье в июле 1862 г. – Представленное в виде 17 томов³¹, оно ежедневно дополняется новыми распоряжениями и новыми указами и, соответственно, улучшается или осложняется, в зависимости от случайной прихоти правительственных инстанций или императорских решений. [...] Законодательный дух, чувства Закона и Права и все печальные последствия, которые вытекают из недостатка индивидуальности и прав личности, полностью отсутствующих у русского народа, составляет одну из самых отличительных и самых азиатских черт его характера”³².

Когда правительство предало гласности содержание проекта готовящихся судебных уставов, французское посольство дало свою предварительную оценку предстоящей реформе.

Из депеши герцога Монтебелло в министерство иностранных дел Франции от 20 октября 1862 г.:

“Император Александр не мог бы совершить более патриотического деяния; оно поставит его в глазах всего мира и собственной страны выше его отца, который признавал только права короны, не оставляя своему народу возможности улучшить жизнь; оно поставит его и выше Александра I, который лишь мечтал о том, что осуществляется сегодня. Его Величество желает, чтобы новый порядок вещей установился до 15 января [1863 г.], и есть все основания надеяться и даже утверждать, что 1863 г. завершится введением в действие новой судебной организации.

Нужно знать Россию, чтобы в полной мере оценить те гигантские шаги, которые она может проделать на открывающемся перед ней пути; в ближайшем будущем – это установление преобладающего влияния гражданского порядка над военным, который до сих пор доминировал над нацией, держа ее в обруче жесткой дисциплины... Независимость и активность сознания придут на смену административной косности.

Ни один человек [в России] до сих пор не видел перед собой перспективы независимой карьеры. При общей численности населения 70 млн. лишь от 200 до 250 тыс. человек живут здесь европейской жизнью, но и они были обречены лишь на то, чтобы выполнять какие-либо функции при Дворе или в армии. Эти обязанности им скорее навязываются, нежели выбираются ими по доброй воле. Никто не может отличиться иначе, чем через [высочайшую] благосклонность, которая редко награждает истинные заслуги и достоинства...

Я не утверждаю, что сегодня все должно измениться, но все может измениться. Создаются условия, при которых люди могут формировать себя сами, если они имеют к этому способности и устремления. Молодежь, думающая о гражданской карьере, обнаруживает стремление к образованию, которое она считает для этого необходимым. Мечта многих молодых людей из самых знатных и древних фамилий – сделать карьеру на адвокатском поприще.

Предоставляя своему народу слово в области правосудия, Император Александр создает ему основополагающие условия для развития общественного сознания и возвышения людей. Он открывает новое поле деятельности перед славянским сознанием, и только будущее покажет, сумеет ли Россия, которая возвысилась в условиях рабства и деспотизма, в отличие от других, ей подобных, сохранить свою силу в условиях

³¹ Речь идет о Полном Собрании Законов Российской империи, начавшем издаваться по инициативе императора Николая I с 1830 г. К середине 1862 г. вышло в свет 17 его томов.

³² ААЕ, Correspondance politique. Russie, v. 228, fol. 153, 154 verso.

свободы и стать, наконец, полезной миру в той же степени, как она была для него опасной”³³.

Вопреки ожиданиям, принятие новых судебных уставов затянулось до поздней осени 1864 г. В посольстве Франции усматривали в этом затягивании влияние консерваторов в окружении Александра II. Появились слухи, что судебная реформа может начаться с локального эксперимента в одной-двух, скорее всего столичных, губерниях. Временный поверенный в делах Франции в Петербурге граф де Массиньяк в донесении министру писал об этом в феврале 1864 г.: “Меня уверяют, что в довольно скором времени попытаются применить новую реформу в одной или двух губерниях. Высокопоставленные политические деятели в Петербурге, отлично знающие дух страны и намерения правительства, заверяют меня, что пройдет еще немало лет, прежде чем все эти различные реформы будут распространены на всю территорию Империи”³⁴.

Прогноз французского дипломата, сделанный на основе имевшейся у него информации, частично оправдался. Первоначально, т.е. в 1866 г., судебная реформа, в порядке эксперимента, начала проводиться лишь в 10 губерниях, включая две столичные – Петербургскую и Московскую. И лишь к 1870 г. она затронула еще 34 губернии, т.е. не всю, а лишь немногим более половины всей территории Российской империи. Реформа не распространялась на Прибалтику, Польшу, Белоруссию, Сибирь и Среднюю Азию, а также на северные и северо-восточные окраины европейской части России. Вместо отведенных на ее реализацию шести лет судебная реформа затянулась на несколько десятилетий. Одной из серьезных причин этого затягивания был острый кадровый дефицит – не хватало профессионально подготовленных судебных чиновников. На это важное обстоятельство французские наблюдатели обратили внимание еще в 1865 г., предвидя неизбежные сложности с введением новых судебных уставов. “Проведение в жизнь судебной реформы, – сообщал в Париж барон Талейран в марте 1865 г., – встречает трудности, объясняемые неопытностью людей, что тормозит реализацию этого важного дела”³⁵.

Так или иначе, но судебная реформа в России была запущена. Она стала самым крупным в истории России шагом к правовому государству. Именно так и оценивали ее политические наблюдатели из посольства Франции в Санкт-Петербурге.

РЕФОРМА СИСТЕМЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ. ОСЛАБЛЕНИЕ ЦЕНЗУРЫ

Французские дипломаты не обошли вниманием и реформы в области народного образования, осуществленные в первой половине 1860-х годов. Как и в других направлениях, здесь был осуществлен глубокий прорыв на пути прогресса, причем на всех трех уровнях – начального, среднего и высшего образования.

18 июня 1863 г. принимается новый университетский устав, который вернул университетам былую автономию, дарованную еще в 1804 г. Александром I и отмененную Николаем I в 1835 г. По уставу 1863 г., все вопросы университетской жизни отныне решались Советом университета, а должности ректора, проректоров, деканов и профессоров становились выборными. К числу уже имевшихся университетов в это время добавился еще один – Новороссийский университет в Одессе. Устав 1863 г. самым благотворным образом сказался на оживлении всей учебной и научной жизни в университетах. Позднее, уже в 1870-е годы, было найдено компромиссное решение болезненного вопроса о высшем образовании для женщин, которых в России в университетах не принимали. Для них откроют Высшие женские курсы профессора В.И. Герье в Москве и Бестужевские (по имени их организатора, профессора К.Н. Бестужева-Рюмина) курсы в Петербурге.

³³ Ibid., v. 229, fol. 52 verso – 54.

³⁴ Ibid., v. 233, fol. 32 recto verso.

³⁵ Ibid., v. 234, fol. 96.

Вслед за высшей школой реформе подверглась система среднего образования. 19 ноября 1864 г. Александр II утвердил новый устав гимназий, по которому среднее образование стало доступным не только для дворянских отпрысков, но также для детей купцов, мещан и крестьян. Здесь, как и в университетской реформе, Александр II восстановил положение, существовавшее с 1803 г. и отмененное в 1828 г. Правда, в условиях крепостной зависимости крестьянские дети практически не имели возможности получить среднее образование. Теперь же такая возможность стала действительно реальной, по крайней мере для мальчиков из зажиточных и среднеобеспеченных семей. По уставу 1864 г. система среднего образования включала в себя два типа учебных заведений – классические гимназии и реальные училища. Выпускники гимназий имели право продолжить образование в университетах, а выпускники реальных училищ пополняли ряды студентов технических высших учебных заведений.

Освобождение крестьян в 1861 г. поставило неотложный вопрос о низшем, начальном образовании в стране. Он нашел свое разрешение в Положении о начальных народных училищах, утвержденном императором 14 июля 1864 г. В этом вопросе правительство заявило о намерении действовать совместно с органами земского и городского самоуправления. С момента возникновения земства устройство начальных школ стало одним из самых важных направлений его деятельности. Десятки тысяч детей крестьянской и городской бедноты получили возможность приобрести хотя бы элементарную грамотность.

Вопросам реформы образовательной системы в России была посвящена специальная Записка, составленная Талейраном для министра иностранных дел Друин де Люиса в январе 1866 г.³⁶ Французский дипломат рассмотрел состояние народного образования на всех его уровнях – начальном, среднем и высшем.

Наиболее запущенным он считал положение в начальной школе. Русское правительство, по его мнению, долгое время – и в царствование Александра I, и при Николае I – откровенно пренебрегало начальным образованием, отдавая предпочтение образованию высшему. Столь очевидный перекоп Талейран объяснял традиционным, как он полагал, тяготением русских властей к показухе. “Это соответствует общему духу русской политики, которая состоит в том, – писал дипломат, – чтобы заниматься в первую очередь тем, что может поражать иностранцев, скрывая под привлекательной наружностью глубокие пороки, свойственные административному управлению Империи”.

Лишь Александр II всерьез занялся начальным образованием, посчитав, что получившие свободу миллионы крестьян должны дать своим детям возможность овладеть элементарной грамотностью. Талейран высоко оценил значение подписанного императором 14 июля 1864 г. Положения о начальных народных училищах как первого шага в этом направлении. “Реформа низшей школы, – отмечал дипломат, – была самой неотложной из всех преобразований в области народного образования”.

Он обратил внимание на серьезные проблемы, которые русскому правительству предстоит решить в этой области. “Нехватка хороших учителей в начальных школах всегда была одной из главных причин неудовлетворительного состояния этих учреждений”, – отметил Талейран. Одновременно он подчеркнул, что правительство активно занимается этим вопросом. “Начиная с 1860 г., – писал Талейран, – министерство народного образования ищет средства исправить этот недостаток. В 1862 и 1863 гг. многие педагоги были направлены в Германию, Швейцарию и Францию для изучения опыта устройства там начальных школ”.

Очень важным шагом французский посол считал учреждение в России начального и среднего образования для девочек, а также открытие еврейских школ. “Еврейское население, – писал он, – достигает 1 445 613 человек, проживающих главным образом в западных провинциях, хотя евреев можно встретить также на Кавказе и в Сибири”. Многочисленность еврейского населения, по мнению Талейрана, делает совершенно

³⁶ Полный текст Записки см. v. 236, fol. 25–60.

обоснованным решение русского правительства в местах компактного проживания евреев создать школы, призванные дать образование детям-евреям.

Вплоть до последнего времени, продолжал посол, неблагополучным оставалось и положение со средним образованием, что потребовало столь же энергичных мер со стороны правительства.

Из Записки Талейрана:

“Неудовлетворительное состояние среднего образования пагубным образом сказывалось на высшем образовании. В университеты отправляли людей, мало пригодных для прослушивания лекционных курсов, которые там читаются. Чтобы исправить это зло, министерство не нашло другого средства кроме ужесточения выпускных экзаменов в гимназиях, по сравнению с тем, как это было в прошлом.

Надо сказать, что эта мера сократила число учащихся, получивших аттестаты, дающие им право поступления в университет без экзаменов, и можно надеяться, что она окажет благотворное влияние на развитие высшего образования.

Понимая срочную необходимость реформы, министр народного просвещения опубликовал проект закона, приглашая общество принять участие в его обсуждении путем высказывания соображений и замечаний, которые можно было направлять в министерство. Полученные замечания и предложения были тщательно изучены в Ученом комитете. Таким образом, можно сказать, что новый устав гимназий, утвержденный Императором 10 декабря 1864 г., есть результат совместных усилий многих тысяч человек, заинтересованных в прогрессе среднего образования в своей стране.

Основные положения этого законодательного акта могут быть резюмированы в нескольких словах.

По новому уставу были созданы два типа гимназий, в том числе коллежи с классическим обучением, и другие – для профессионального обучения. В учебных заведениях первого типа обучение основано на изучении классических языков, а в школах второго типа – на изучении математики и естественных наук.

Новый устав поднял жалованье учителей гимназий, и это предоставленное преимущество позволило ввести самый строгий отбор при приеме в преподавательский состав. Новый устав улучшил также материальное положение воспитателей, наблюдающих за учениками интернатов. Наконец, гимназии, как классические, так и профессиональные, были разделены на две категории – гимназии 1-й и 2-й ступени.

Реализация всех этих реформ требует ежегодного субсидирования в размере 800 тыс. рублей серебром (т.е. 3 млн. 200 тыс. франков). Финансовое положение Империи не позволяет немедленно выделить столь значительную сумму. Поэтому было решено, что новый устав будет вводиться постепенно, в течение четырех – пяти лет.

Эти важные реформы остались бы неполными, если бы министр народного просвещения не искал средств подготовить достаточное количество преподавателей для открываемых гимназий. После закрытия в 1860 г. Главного Педагогического института в Петербурге были созданы педагогические курсы при столичном университете, но опыт показал, что этой меры оказалось недостаточно. В настоящее время разрабатывается новый законопроект, призванный улучшить положение в этой области.

Таково, господин министр, состояние народного образования в России... Небезынтересно отметить и то, с какой стремительностью и с каким пылом министр народного просвещения проводил реформы во всех департаментах доверенного его попечению министерства. Принятые им меры еще совсем свежие, и пока преждевременно судить об их результатах”.

Говоря о министре, подготовившем реформу народного образования, Талейран имел в виду Александра Васильевича Головина. Выпускник Александровского лицея, откуда он вышел с золотой медалью, Головин в 1839 г. начал государственную службу в Собственной Е.И.В. Канцелярии по делам учебных и благотворительных учреждений Ведомства императрицы Марии Федоровны. В 1840-е годы он продолжил службу в Особенной канцелярии министерства внутренних дел, где руководил состав-

лением историко-географических трудов. В 1845 г. Головнин был избран секретарем Русского географического общества, а в 1848 г. стал чиновником особых поручений при начальнике Главного морского штаба князе А.С. Меншикове. С 1850 г. Головнин был прикомандирован к великому князю Константину Николаевичу, став его ближайшим помощником и советником.

Карьера Головнина достигла апогея с воцарением Александра II, оценившего выдающиеся способности одного из лидеров так называемых “либеральных бюрократов”, готовивших и проводивших в жизнь Великие реформы. На долю Головнина выпало реформирование народного образования в России, находившегося, как уже отмечалось, в весьма плачевном состоянии. В 1859 г. камергер Головнин был назначен членом Главного правления училищ при министерстве народного образования, в 1861 г. – управляющим министерством, а в 1862 г. – министром.

Он начал свою деятельность с того, что освободил министерство народного просвещения от цензурных функций, переданных им в ведение министерства внутренних дел. При этом Головнин стал главным разработчиком нового цензурного устава. Эта работа велась в созданной под его председательством комиссии с апреля 1862 г.³⁷ Она нашла свое завершение в высочайше утвержденном 6 апреля 1865 г. Временных правилах о печати, по которым была отменена предварительная цензура для книг объемом не менее 10 печатных листов и периодических изданий. Правда, послабления коснулись только Петербурга и Москвы, но именно эти два города были журнально-литературными и книгоиздательскими столицами читающей России. Предварительная цензура продолжала действовать в провинции, а также применительно к литературе массового спроса. Тем не менее цензурные ограничения в значительной степени были ослаблены³⁸. Во многом это была заслуга Головнина.

Комментируя утвержденные Александром II Временные правила о печати, Талейран писал Друин де Люису: “Считаю своим долгом сообщить Вам, что статьи 29-я и 30-я [нового цензурного устава], по моему мнению, составлены в либеральном духе. Они гласят, что министр внутренних дел имеет право направлять газетам уведомление о временной приостановке их выпуска на срок, не превышающий шести месяцев. Но самым недвусмысленным образом здесь же сказано, что, если министр внутренних дел сочтет необходимым после третьего предупреждения окончательно закрыть ту или иную газету, он обязан будет предварительно поставить об этом в известность Правительствующий Сенат”³⁹.

Новый министр подверг полной реорганизации центральный аппарат своего ведомства и учебные округа, действовавшие на территории империи. Ему удалось вдвое увеличить бюджетные расходы на образование. Головнин всемерно содействовал оживлению учебной и научной жизни в университетах, вернувших себе, как уже говорилось, автономию. При нем возобновились научные экспедиции – археографическая, этнографическая и морская. Головнин был главным разработчиком всех законов первой половины 1860-х годов, относящихся к системе образования. Важнейшей особенностью деятельности министерства народного просвещения в бытность Головнина министром стала широкая гласность, привлекавшая образованное общество к обсуждению насущных потребностей развития образования в России.

³⁷ О подготовке нового цензурного устава, как важнейшего события в культурной жизни России, французский временный поверенный А. Фурнье счел необходимым сообщить в Париж в апреле 1862 г. Принятие готовящегося нового цензурного устава, писал он министру иностранных дел, “станет огромным прогрессом для здешней прессы, которая будет следовать заранее известным ей, точным правилам; до сих пор принципы и правила, по которым действует цензура, были совершенно неизвестны, или, если сказать точнее, цензура всецело подчинялась административному произволу”. – ААЕ, Correspondance politique. Russie, v. 227, fol. 5 recto verso.

³⁸ См. *Энгельгардт Н.* Очерк истории русской цензуры в связи с развитием печати (1703–1903). СПб., 1904.

³⁹ ААЕ, Correspondance politique. Russie, v. 234, fol. 130 recto verso.

Как и другие его коллеги из числа “либеральных бюрократов”, Головнин вызывал неприязнь в придворных консервативно-реакционных кругах, энергично интриговавших против него. Эти интриги не ускользнули от внимания французского посольства. “Я должен сказать, – писал Талейран в уже упоминавшейся Записке министру иностранных дел Франции, – что господин Головнин подвергается очень острым нападкам в России. Он принадлежит к формации молодых функционеров, которые воспитались под покровительством великого князя Константина Николаевича и которые получили возможность играть важную роль в делах. Но они, – добавлял Талейран, – не пользуются достаточным влиянием”. Как и в случае с Николаем Милютиным и Петром Валуевым, французский дипломат предвидел неизбежную отставку Александра Головнина, ставшего излюбленной мишенью для консерваторов.

Во главе министерства народного просвещения он продержался менее пяти лет. 14 апреля 1866 г. Александр II отправил Головнина в отставку. Поводом к отставке послужили вскрывшиеся после известного покушения Д. Каракозова на жизнь императора (4 апреля 1866 г.) факты распространения среди учащейся молодежи революционных настроений.

НАЧАЛО ВОЕННОЙ РЕФОРМЫ

Наиболее продолжительной по времени ее проведения, но от этого не менее радикальной, стала военная реформа. Она проводилась на протяжении 12 лет, с 1862 по 1874 г. Ее замысел и осуществление были связаны с именем упоминавшегося выше генерала Д.А. Милютина⁴⁰.

Во французском посольстве в Петербурге генерала давно держали в поле зрения. Еще в 1858 г. временный поверенный в делах Франции в России Ш. Бодэн включил тогдашнего начальника штаба Кавказской армии в список влиятельных и перспективных сподвижников императора Александра II, в чем, как мы увидим, он не ошибся. “Это широко образованный человек, видный писатель и умелый администратор”, – писал Бодэн о генерале Милютине в “Конфиденциальной записке”, адресованной министру иностранных дел Франции⁴¹.

Д.А. Милютин получил образование в Благородном пансионе при Московском университете и в Военной академии, начал службу в артиллерии, продолжил ее в гвардейском Генеральном штабе. Интересуясь военно-научными вопросами, он активно сотрудничал в “Энциклопедическом лексиконе” А.А. Плюшара и “Военном энциклопедическом лексиконе” Л.И. Зедлера. С 1839 г. проходил службу на Кавказе, где принимал непосредственное участие в военных действиях. В 1845 г. стал профессором Военной академии по кафедре военной географии, а затем военной статистики. По его инициативе было начато военно-статистическое описание губерний Российской империи.

В 1848–1856 гг. Д.А. Милютин состоял по особым поручениям при военном министре. По высочайшему повелению он продолжил начатое А.И. Михайловским-Данилевским исследование об Итальянском и Швейцарском походах А.В. Суворова. Его пятитомный труд “История войн России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году” (СПб., 1852–1853), переведенный на немецкий и французский языки, был отмечен Демидовской премией. В 1853 г. Д.А. Милютин был избран членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук, а в 1856 – почетным доктором русской истории Петербургского университета. В последние годы царствования им-

⁴⁰ О нем см.: *Жерве Н.* Граф Д.А. Милютин. (К 90-летию его рождения). СПб., 1906; *Баиов А.К.* Граф Д.А. Милютин. Биографический сборник. СПб., 1912; *Зайончковский П.А.* Архив Д.А. Милютина. – Вопросы истории, 1946, № 5–6; *его же.* Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952; *его же.* Выдающийся ученый и реформатор русской армии (Д.А. Милютин). – Военно-исторический журнал, 1965, № 12.

⁴¹ ААЕ, Mémoires et Documents. Russie, v. 45, fol. 115–115 bis.

ператора Николая I младший брат Милютин, Николай ввел его в круг “либеральных бюрократов”, собиравшихся в салоне великой княгини Елены Павловны.

В годы Крымской войны Милютин служил под непосредственным началом наследника – цесаревича Александра Николаевича (будущего императора Александра II), занимаясь вопросами защиты русских берегов Балтийского моря, а также составлением официальных отчетов с театра военных действий. По окончании войны он разработал и предложил план реорганизации военной системы.

В 1856–1859 гг. – начальник штаба Кавказской армии, Милютин участвовал в составлении плана военных действий, осуществление которого привело к присоединению Восточного Кавказа к России. Генерал Милютин принимал непосредственное участие в штурме аула Гуниб и пленении имама Шамиля в 1859 г., после чего был отозван в Петербург, получив аксельбанты генерал-адъютанта и должность товарища военного министра. В феврале 1861 г. высочайшим указом Милютин был назначен военным министром. Год спустя он представил Александру II план преобразования всей военной системы России, предусматривавший создание массовой армии европейского типа, сокращение ее численности в мирное время и одновременное формирование подготовленного резерва на случай войны, а также реорганизации центрального аппарата военного министерства и создания органов военного управления в регионах России (15 военных округов). План Милютина, утвержденный императором Александром II, осуществлялся под непосредственным руководством его составителя. Это был тот редкий, если не уникальный случай, когда министр-реформатор имел возможность исполнить все им задуманное. Завершающим шагом милютинских реформ станет введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности.

С момента возвращения генерала Милютина с Кавказа в 1860 г. французское посольство в Петербурге не выпускало его из поля зрения, следя за его карьерным продвижением. “Нынешний заместитель военного министра, а до этого начальник штаба Кавказской армии, генерал Милютин временно назначен исполнять обязанности министра генерала Сухозанета, – сообщал в конце мая 1861 г. в Париж Монтебелло. – Общественное мнение единодушно приветствует назначение этого, еще молодого офицера, который считается в армии одним из лучших генералов, и выражает надежду на то, что он сохранит за собой доверенный ему портфель”⁴².

В ноябре того же года Д.А. Милютин был утвержден в должности военного министра, и посольство Франции не оставило без внимания и этот факт. “Генерал Милютин... только что заменил генерала Сухозанета на его посту”, – сообщал в Париж Фурнье. “Выбор генерала Милютина был самым удачным из всех возможных, – прокомментировал новое назначение французский дипломат. – Армия единодушно признает за ним и его дарования, и порядочность. Генерал Милютин приходится братом сенатору Милютину, который, будучи заместителем министра внутренних дел, принимал самое деятельное участие в разработке закона об освобождении крестьян, и доводится племянником графу Киселеву, послу России при Его Императорском Величестве”⁴³.

Когда в соответствии с планом, разработанным Милютиным, в России развернется реформирование военной системы, посольство Франции в Петербурге получит из Парижа указание собирать всю доступную информацию о проводимых преобразованиях. Дело в том, что в это время во Франции намечалась реорганизация армии, и французское военное министерство интересовалось тем, как идет военная реформа в России.

В переписке посольства с министерством иностранных дел Франции за вторую половину 1860-х годов содержится немало сведений на эту тему, взятых в основном из двух газет, выходивших параллельно на русском и французском языках – “Санкт-

⁴² Ibid., Correspondance politique. Russie, v. 224, fol. 96.

⁴³ Ibid., v. 225, fol. 193 verso. Фурнье говорит о графе Павле Дмитриевиче Киселеве, который в 1856–1862 гг. возглавлял посольство России при дворе Наполеона III. Д.А. Милютин действительно был племянником П.Д. Киселева по материнской линии.

Петербургские Ведомости” и “Русский Инвалид”. Нередко посольство пересылало в Париж вырезки из этих изданий, в которых освещалась военная проблематика. При этом посол неоднократно сетовал на отсутствие в штате посольства военного атташе⁴⁴, который мог бы регулярно и со знанием дела отслеживать перемены, происходившие в русской армии.

Так, в одной из депеш в министерство иностранных дел, относящихся к началу 1867 г., Талейран отмечал, что получаемых из русских газет сведений о реформах в русской армии и на флоте явно недостаточно, причем трудно проверить их достоверность. “Не имея в составе моего посольства военного атташе, – писал Талейран, – я не имею возможности оценить те сведения, которые мне удастся получить”⁴⁵.

Тем не менее посол старался информировать министерство иностранных дел обо всех известных ему преобразованиях в русской армии, прилагая к депешам соответствующие газетные вырезки, а то и целые номера “Русского Инвалида”. Высоко оценивая характер и направление военных реформ, Талейран констатировал наличие “в окружении Императора серьезной оппозиции нововведениям генерала Милютин”⁴⁶, который, однако, вопреки проискам своих недоброжелателей, пользовался неизменной поддержкой Александра II.

Одновременно с собственно военными реформами Д.А. Милютин впервые со времен принятия при Петре I Воинского устава 1714 г. и Морского устава 1720 г. успешно осуществил военно-судебную реформу. 15 мая 1867 г. император Александр II утвердил новый Военно-судебный устав, разработанный по инициативе и под руководством Д.А. Милютина. Вместо упраздненных временных военно-судебных органов были созданы постоянные – полковые, военно-окружные суды и Главный военный суд. В полковых судах, формировавшихся по приказу командира полка в составе председателя и двух членов, рассматривались дела нижних чинов и унтер-офицеров. Предварительное следствие в этих судах не проводилось, а защитник не полагался. Приговор суда утверждался командиром полка. Военно-окружные суды рассматривали дела офицеров, а также наиболее серьезные дела рядовых и унтер-офицеров. Председатель и постоянные члены суда назначались военным министром, а временные – командующими войсками военных округов сроком на четыре месяца. На тех же началах действовал Главный военный суд, с той лишь разницей, что члены суда назначались лично императором из числа генералов столичного гарнизона. Аналогичная структура была введена и на флоте, где были созданы экипажный суд, военно-морские суды при крупных портах и Главный военно-морской суд.

Все эти суды признавались независимыми от административных органов. Были введены должности военных прокуроров и следователей. Официально отменялись сословные привилегии подсудимых, которым предоставлялось право обжалования приговоров. Тогда же, в 1867 г., была создана Военно-юридическая академия для подготовки кадров военных юристов. Военно-судебная реформа 1867 г., безусловно, имела следствием значительный прогресс в обеспечении законности и судопроизводства в армии и на флоте.

Именно так оценивали ее наблюдатели из посольства Франции в Петербурге. “Новый Военно-судебный устав имеет целью устранить недостатки старой системы, основы которой были заложены Петром I в его Уставе от 30 марта 1716 г.”, – писал в Париж Талейран в августе 1867 г. Прежний петровский устав, по мнению француз-

⁴⁴ Договоренность между Россией и Францией об аккредитации при посольствах двух стран постоянных военных атташе (военных агентов) была достигнута в 1856 г., когда были возобновлены русско-французские дипломатические отношения, разорванные в 1854 г. В 1860 г. в Петербург прибыл военный атташе Франции Кольсон, которого в 1865 г. сменил де Мирибель. По всей видимости, французские военные атташе работали в России лишь наездами, надолго отлучаясь во Францию, что вызывало недовольство у посла.

⁴⁵ AAE, Correspondance politique. Russie, v. 238, fol. 105 verso.

⁴⁶ Ibid., fol. 111.

ского посла, безнадежно устарел и давно уже не отвечал современным требованиям. “Правительство давно признавало недостатки старой военно-судебной системы, и еще в 1837 г. пыталось как-то ее изменить, но разработка подлинной реформы началась только с 1856 г.” – замечал Талейран. Хотя еще трудно в полной мере оценить то, как будет работать новый Военно-судебный устав, тем не менее, совершенно очевидно, подчеркнул французский дипломат, что его принятие уже само по себе означает “серьезное улучшение состояния военной юстиции в России... это достойный шаг на том пути реформ и прогресса, по которому идет русское правительство”⁴⁷.

Французские наблюдатели интересовались и другими направлениями реформаторской деятельности Александра II, но в служебной переписке посольства Франции информации по ним значительно меньше.

* * *

Как показывает изучение сообщений, докладов и памятных записок, направлявшихся в Париж посольством Франции в Петербурге, французские дипломаты в целом были достаточно хорошо информированы о подготовке и проведении реформ 1860-х годов. Внимательно следившие за ними, они однозначно положительно восприняли все реформаторские начинания Александра II, оценивая их как искреннее желание царя модернизировать свою страну и сократить разрыв между Россией и остальной Европой. По убеждению “петербургских французов”, это стремление у царя-реформатора возникло в результате трезвого осмысления им итогов и уроков Крымской войны, обнаружившей явное отставание России от передовых стран Европы.

Французские дипломаты констатировали достаточно серьезную оппозицию проводимым в России политическим преобразованиям, причем одновременно с двух флангов – справа и слева. Наряду с прежней придворно-аристократической фрондой курсу на продолжение реформ появляется оппозиция в обществе, представленная “московскими патриотами-националистами”, группировавшимися вокруг издателя “Московских Ведомостей” М.Н. Каткова. Французские дипломаты сообщали в своих донесениях в Париж о “моральной диктатуре, существующей сегодня в Москве и подчиняющей своему влиянию даже правительство”⁴⁸. Осуждая правительство за излишний либерализм и поспешность в проведении реформ на западный манер, Катков и его единомышленники обосновывали идею самобытности и самодостаточности России. Их взгляды Талейран характеризовал как “узколобый патриотизм”⁴⁹. К началу 1870-х годов “патриоты”, по существу, сомкнулись с аристократической оппозицией, настаивавшей на свертывании реформ.

Выдвинутый “патриотами” тезис о принадлежности России к некоей иной, отличной от европейской цивилизации, вызывал искреннее недоумение у французских дипломатов. “Афишируемая в настоящее время московской партией претензия найти в самой себе черты иной цивилизации и навязать ее другим...противоречит повседневной практике”, – отмечал в своем докладе в министерство иностранных дел Франции упоминавшийся выше Габриак. Россия, желающая стать современным государством, по убеждению дипломата, просто обречена на то, чтобы заимствовать передовой западный опыт, “идет ли речь об изменении судебных институтов, постройке железных дорог или о реформе армии”⁵⁰. В этом смысле французский дипломат предвосхитил появление получившей впоследствии широкое распространение в либеральных кругах концепции так называемого “догоняющего развития” России.

Данную точку зрения, по убеждению Габриака, разделял и Александр II, стремившийся, по примеру Петра и Екатерины, окончательно ввести свою страну в русло европейского развития.

⁴⁷ Ibid., v. 239, fol. 114 verso – 131 verso.

⁴⁸ Ibid., v. 234, fol. 66.

⁴⁹ Ibidem.

⁵⁰ Ibid., v. 241, fol. 49 verso.

Не менее серьезной наряду с правой оппозицией, а в перспективе даже наиболее опасной французские дипломаты считали возникшую в ходе реформ леворадикальную оппозицию, в которую активно вовлекалась молодежь, прежде всего студенческая. Она несла в себе угрозу революционного взрыва, что показали студенческие волнения, неоднократно возникавшие после 1861 г., а также покушение бывшего студента Дмитрия Каракозова на жизнь Александра II 4 апреля 1866 г.

В середине 1860-х годов радикалы обрели своего идейного вождя в лице находившегося в эмиграции А.И. Герцена. “Наряду с известными придворными течениями и группировками (либералов, консерваторов и “московских националистов” во главе с Катковым. – П.Ч.), – отмечал Габриак, – в России существует более радикальное движение, рекрутирующее в свои ряды участников из среды молодежи. Вдохновителем этого движения является господин Герцен...отвергающий абсолютизм и имперский централизм, проповедующий идеи самостоятельности народов и одновременно мечтающий о Европейской федерации. Теоретическая ценность его идей применительно к такому государству, как Россия, казалось бы, не оставляла ему больших шансов на то, чтобы оказать влияние на умы, но он, тем не менее, сумел этого достичь... В этом смешении противоречивых мнений, высказываемых со всех сторон, самое радикальное и вследствие этого наиболее легко согласующееся с самим собой должно было иметь наилучшие шансы быть принятым”, – констатировал Габриак⁵¹.

Конечно, левые радикалы, как и “московские националисты”, представляли собой явное меньшинство в раскладе политических сил, вызванных к жизни реформами 1860-х годов. Но этот факт, как подчеркивал Габриак, не должен вводить в заблуждение и тем более успокаивать. В упоминавшемся уже докладе, адресованном министру иностранных дел Франции, дипломат высказывает провидческую мысль. “В такой стране, как Россия, где, как я уже имел честь говорить Вашему превосходительству, очень мало людей, способных понимать политические вопросы, подобное меньшинство могло бы в какой-то момент стать большинством”⁵². Это предвидение сбудется менее чем через 50 лет.

Все политические наблюдатели, работавшие в 1860-е годы в посольстве Франции в Петербурге, высказывали единодушное мнение об определяющем влиянии императора Александра II на успешное в целом проведение реформ в России. Без его непреклонного стремления и твердого желания модернизировать свою страну, приблизив ее к европейским стандартам, реформы 1860-х годов никогда не были бы осуществлены. На пути реформ Александр II, как констатировали французские дипломаты, вынужден был считаться с давлением аристократической и отчасти с “московской” оппозицией. Время от времени он даже приносил ей в жертву наиболее “одиозных” для правых, т.е. наиболее либеральных, своих министров – С.С. Ланского, Н.А. Милютин, П.А. Валуева и др. Но при этом император никогда не терял из вида общее направление избранного им курса.

Признание глубоких перемен, происшедших в России за 10 лет реформ, сочеталось у части французских дипломатов с утверждениями о том, что все эти реформы, сделав более привлекательным и современным “фасад” Российской империи, не изменили сути русской политической системы и государственности, по-прежнему отличных от западных стандартов. Они полагали, что в результате реформ Александра II разрыв между Россией и остальной Европой, конечно же, сократился, но не был преодолен.

Мнение о том, что даже после Великих реформ 1860-х годов Россия сохранила многие отличительные особенности, унаследованные из ее исторического прошлого, так и не став органической частью Европы, в той или иной форме высказывалось французскими политическими наблюдателями и в более поздние времена, вплоть до 1917 г., когда пала Российская империя.

⁵¹ Ibid., fol. 39–40.

⁵² Ibid., fol. 45 recto verso.